

УДК 94(47).083

Шиловский Михаил Викторович,
доктор исторических наук, профессор,
Новосибирский государственный университет,
Институт истории СО РАН,
istorik.novosib@gmail.com

Крестьянское общественное самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны и социального катаклизма (1914–1919 гг.)

Аннотация: Анализ процессов, происходивших в системе органов крестьянского общественного самоуправления в западносибирской деревне в период Первой мировой войны и социального катаклизма 1917–1919 гг. позволяет утверждать о увеличении нагрузки на них. На уровне функционеров крестьянского самоуправления (сельские и волостные старшины, писари, сборщики налогов и т. д.) усиливается тенденция к замещению их путем выборов, но на постоянной основе. Разрастается структура сельской управленческой номенклатуры за счет появления новых должностей. Выполнение управленческих функций начинает осуществляться не на общественных началах одновременно с основной трудовой деятельностью, а становится самостоятельным способом обеспечения индивида и его семьи материальными благами. Происходит бюрократизация низового звена крестьянского общественного самоуправления и трансформация его в составной элемент общей системы государственного управления. Питательной средой для формирования корпорации управленцев стал маргинальный слой фронтовиков и бывших красных партизан (как правило тех же фронтовиков). Увеличивается количество сельских выборных управленцев, получающих денежное вознаграждение за счет дополнительных земских сборов с подведомственного населения. Первая мировая война и социальный катаклизм 1917–1919 гг. усилили модернизационные процессы прежде всего не в экономике, как это было в предшествующие периоды, а в области социально-политических отношений.

Ключевые слова: общественное самоуправление, Первая мировая война, революция.

Характерной чертой эволюции местного государственного управления в Российской империи, в том числе и в Западной Сибири, во второй половине XIX – начале XX в. являлось постепенное внедрение чиновничества непосредственно в крестьянскую среду, выход его за рамки уездных управленческих структур, на уровне которых, собственно, заканчивалась управленческая вертикаль государственных органов. Прежде всего этот процесс затронул правоохранительные органы и в 1911 г. в уездах Томской

губернии насчитывалось 34 станowych пристава и столько же их помощников¹, примерно 240 полицейских урядников². К ним необходимо добавить примерно 53 крестьянских начальников в Тобольской и Томской губерниях на момент их введения в 1898 г. [3], а также акцизных и податных чиновников. Тем не менее, низовое звено государственного управления на уровне сельского поселения и волости составляли органы крестьянского общественного самоуправления, выборные руководители которых, прежде всего сельские и волостные старшины, избирались крестьянами на сходах и содержались за счет сельских обществ.

В рассматриваемый период разрастается структура сельской управленческой «номенклатуры» за счет появления новых должностей. Одновременно увеличивается количество формально выбранных управленцев, получающих за свою общественную деятельность постоянное жалование. Так, в Мало-Корюковской волости Томского уезда (ныне Колыванский район Новосибирской области) на 1914 год выборный административный аппарат состоял: из волостного старшины Саита Галиева, неграмотного, татарина, избранного в 1913 г. на три года с окладом 60 руб.; двух его неграмотных помощников И. П. Смоленцева (крестьянин) и И. Г. Буркова («инородец»), денежного содержания не получающих; волостных судей – неграмотного крестьянина Я. Галямова, грамотного крестьянина Д. Е. Костревского, неграмотных «инородцев» Я. А. Тартаякова и Т. Албейсова, жалования не получающих; волостного писаря, работающего по найму с окладом 180 руб. в месяц, барнаульского мещанина С. А. Кривоногова³. Всего своим управленцам жители волости платили 260 руб. в месяц.

Управленческие расходы Тулинской волости Барнаульского уезда Томской губернии в 1915 г. на 258 домохозяйств (784 души мужского пола без учета 77 призванных в армию) составили 2192 руб. 56 коп., в том числе: содержание волостного правления 546 руб. 67 коп.; содержание земской гоньбы – 990 руб. 73 коп.; на уплату А. Жернаковой за купленное у нее здание для волостного правления – 253 руб. 90 коп.; на содержание сельской сборни и училища – 150 руб.; на содержание церкви – 192 руб. Жалование: сельскому старосте – 60 руб., его помощнику – 12 руб., сборщику податей – 30 руб., двум лесным сторожам – по 60 руб.⁴. В перечне не указана зарплата волостного писаря, которому, по всей видимости, платили отдельно от мирских расходов. Подтверждает мое предположение решение сельского схода деревни Юрт

¹ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. Томск, 1912. Отделение 1. С. 145.

² Количество определено из соотношения 6 урядников на 100 тыс. жителей в Бийском уезде в начале XX в. и общей численности населения Томской губ. в 1912 г. в 4 млн. чел. См.: [4, с. 117, 205].

³ ГАНУ. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 170. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 213. Л. 1.

Абалыкский от 20 декабря 1914 г. нанять на 1915 г. крестьянина деревни Батуриной Томского уезда Леонтия Васильевича Бортенева на должность сельского писаря за 240 руб.¹. Если принять ее на уровне 180 руб., как в предшествующем случае, то содержание управленческого аппарата обходилось тулинцам в 402 руб. в месяц.

Спустя 4 года, в апреле 1919 г., действующее на территории волости Тулинское земское собрание на своей сессии установила следующие денежные оклады своим функционерам: председателю земской управы – 450 руб. в месяц, секретарю управы (бывшему писарю) – 550 руб., сотникам (сотским) – 100 руб. в месяц, трем членам ревизионной комиссии и двум членам волостного попечительства по 10 руб. в сутки при исполнении ими своих обязанностей. Кроме того, в аппарате управы числились заведующий военно-конским участком и его помощник без указания окладов. Председателем волостной земской управы избрали М. М. Горобца, 28 лет, грамотного; членами – Т. Е. Мироненко, 48 лет, грамотного и Н. Т. Снигирева, 39 лет, грамотного². В августе 1919 г. земское собрание Тулинской волости принимает решение о создании Участкового по подоходному налогу присутствия, в которое должны войти по 2 чел. от каждого из 8 селений территориально-административного образования. Жалование ее членам «по причине дороговизны» вместо 15 руб. в сутки увеличивалось до 50-ти³. Даже с учетом инфляции расходы на управленцев на уровне волости существенно выросли.

Жалование выплачивалось из мирских средств, поэтому его размеры каждая волость определяла самостоятельно. Например, в Ильинской волости Кузнецкого уезда Томской губернии в 1914 г. волостной старшина получал 60 руб., его помощник – 30, заседатели – по 25 руб. каждый, казначей 55 и волостной писарь – 1800 руб. в год. В Енисейской волости Бийского уезда той же губернии в 1915 г. волостному старшине полагалось 55 руб., его помощнику – 25, заседателям по 25 руб. каждому, а писарю – 1375 руб. [1, с. 47].

Начавшаяся война привела к существенному увеличению делопроизводственной нагрузки на органы крестьянского общественного управления. В армию призывали не один раз в год, как в мирное время, а два-три раза. Для каждой такой акции волостные управы должны были подготовить по специально утвержденной форме призывные списки, включающие по несколько сот фамилий. После их составления они зачитывались на сельских сходах, входящих в волость поселений, на предмет выявления «неправильностей», как это было сделано в упомянутой выше Тулинской волости с 1-го по 15-е марта 1915 г.⁴. Волостные и сельские

¹ ГАНУ. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 170. Л. 22.

² ГАНУ. Ф. Д-122. Оп. 1. Д. 67. Л. 24-25.

³ Там же. Д. 72. Л. 41.

⁴ ГАНУ. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 212. Л. 118 об.

управы участвовали в реквизиции лошадей для нужд армии. Поэтому пристав 10-го стана Барнаульского уезда из своей резиденции с. Берского (ныне г. Бердск Новосибирской области) 8 ноября 1914 г. предписывал подведомственным волостным старшинам: «Барнаульский уездный исправник предписанием от 6 ноября за № 365 дал мне знать, что с 10 сего ноября предстоит поставка лошадей от населения уезда для нужд армии, ввиду чего предлагаю Вам совместно с чинами сельской полиции оказывать полное содействие заведующим военно-конскими участками в районе волостей своевременному и безусловному сбору подлежащих поставке лошадей в волостные пункты и доставлении таковых затем в г. Барнаул назначенному воинским присутствием времени»¹.

Но больше всего времени отнимала выдача пособий семьям призванных в армию. Как вспоминал помощник волостного писаря в Барнаульском уезде Ф. Д. Останин: «Пособие исчислялось семье по количеству "едоков" в семье. Надо посчитать сколько приходится пособия на каждую семью, составить ведомости на получение пособия. Легко себе представить объем этой ведомости для каждого села, а их шесть! Они состояются, кажется, раз в квартал, Когда они были готовы, обсчитаны, подытожены, старшина и писарь ехали с ними в Барнаул в "казначейство". Там, после тщательной проверки, они получали деньги наличными и везли домой для расчета. Почте поручать это дело было опасно и неудобно: ведь почтовых отделений было очень немного, а там, где они были, они тоже не отличались достаточной приспособленностью зданий и работниками достаточной квалификации. А отделений "казначейства" – теперь Госбанка – в селах, даже волостных, не было. А какая каторжная работа начиналась у нас, когда и деньги, и ведомости привозили в волость. Начиналась выдача пособий: распределить по деревням; вызвать и проинструктировать сельского писаря и сельского старосту, а они, как правило, неграмотные, масса ошибок, путаницы, скандалов. Все это и увеличивало и осложняло работу»².

В таких условиях выполнение управленческих функций начинает осуществляться не на общественных началах одновременно с основной трудовой деятельностью (хлебопашество, извоз, промысел и т. д.), а становится самостоятельным способом обеспечения индивида и его семьи материальными благами. Другими словами – происходит бюрократизация низового уровня крестьянского самоуправления и трансформация его в элемент общей системы государственного управления. Раньше крестьяне в массе своей старались под разными предлогами уклоняться от выполнения общественных повинностей. В условиях развития товарно-денежных отношений в деревне стимулом для замещения управленческих должностей становится материальная заинтересованность, т. е. получение постоянного и

¹ Там же. Д. 210. Л. 102.

² Останин Ф. Д. История – вечно живая память народа // Институт истории СО РАН. Коллекция воспоминаний. П. 118. Л. Б. Л. 23–24.

более высокого денежного эквивалента дохода от крестьянского хозяйства. Питательной средой для формирования этой корпорации управленцев стал маргинальный слой фронтовиков и бывших красных партизан (как правило тех же фронтовиков). Отчетливо данный процесс просматривается на примере вышеприведенного управленческого состава Тулинской волости за 1919 г.

Период Первой мировой войны стимулировал этот процесс. Однако, деятельность сельских управленческих структур в массе своей осуществлялась в рамках традиционных, архаичных подходов. Вот как ее описывает тот же Ф. Д. Останин: «Петр Николаевич [волостной писарь. – *М. Ш.*] утром просматривал почту. Около него сидел, как правило, старшина Евстафий Васильевич Копылов – купец из деревни Борки, избранный два года тому назад на эту должность... Старшина был совершенно неграмотен. Вот он сидит около писаря и тот прочитывает ему бумагу за бумагой. Комментирует. Тот кивает головой, молчит. После этого писарь говорит, что надо сделать в исполнение этого "отношения". Старшина кивает головой. Писарь делает на бумаге пометку и передает мне на регистратуру: надо поставить на нее специальный штамп, поставить дату поступления, ее порядковый номер по "входящему" журналу. Я вижу, какое исполнение этого отношения начертал "шеф" и, если сам я не в силах исполнить, передаю Егорушке, более опытному канцеляристу, который уже получает зарплату 15 руб. в месяц. Закончив разбор почты, писарь берет вторую папку исполненных дел на просмотр и подпись. Опять он читает старшине исполненную бумагу – старшина слушает и кивает головой. Он должен первым подписать бумагу, но он неграмотен. Для этого он имеет свою печать, печать волостного старшины. Он ее никому не доверяет, носит всегда при себе в кармане. Вместо своей подписи он ставит на свою фамилию, написанную писарем, – печать. Затем подпись писаря. Подписанные бумаги передаются мне. Я должен разложить их в конверты, поставить предварительно на каждой дату отправки и ее порядковый "исходящий" номер, написать на пакетах адреса, заклеить их и отправить на почту. Вот такого рода операции исполнялись в первой половине дня, а дальше писарь и старшина занимались текущими делами»¹. Возросший масштаб бумагооборота заставил в помощь волостному писарю нанять еще двух канцеляристов – Егорушку и Ф. Останина.

Дальнейшая бюрократизация органов крестьянского общественного самоуправления Западной Сибири происходит в период социального катаклизма 1917–1919 гг. В июне 1917 г. Временное правительство утвердило «Временное положение о земских учреждениях в Архангельской губ. и в губерниях и областях Сибири». Местное крестьянство сдержанно встретило нововведение, ожидая, прежде всего, увеличения сборов на содержание земских органов. Поэтому на Новониколаевском уездном съезде крестьянских депутатов в январе 1918 г. делегат от с. Нижние Чемы предложил заменить земские органы сельскими советами крестьянских депутатов, поскольку

¹ Там же. Л. 22–23.

земство «дорого стоит мужикам». Делегат от Легостаевской волости также «отрицал земство вследствие того, что дорого крестьянам обходится»¹.

Выборы в волостные и уездные земские собрания проходили в регионе в августе–октябре 1917 г. Так, в Новониколаевское уездное земское собрание избрали 75 гласных при явке от 19 до 64 %. Из 72-х, на которых имеются сведения, 46 (64 %) являлись крестьянами; по одному: пекарь, торговец, купец (из г. Колывани), 4 кооператора, учитель, агроном, 2 младших офицера Новониколаевского гарнизона (прапорщик и подпоручик), 5 представителей выборной сельской администрации (председатели и секретари волостных земских управ, сельский писарь). Среди избранных оказались: председатель Новониколаевского уездного исполнительного комитета (земской управы) Н. Е. Жернаков, товарищ председателя Г. С. Аристов, городской голова Новониколаевска А. К. Скворцов, член исполкома уездного Совета крестьянских депутатов М. П. Конев, лидер местных эсеров М. Ф. Омельков². На уровне волости, в зависимости от количества избирателей, численность гласных составляла 20–40 чел. Некоторое время крестьяне сочетали традиционные и новые подходы в организации деятельности сельского самоуправления. Например, 30 января 1918 г. Тулинское уже сельское народное собрание открытым голосованием утвердило следующий приговор: «Мы, нижеподписавшиеся свободные граждане с. Тулинского той же волости Новониколаевского уезда, быв сего числа на общем народном собрании под председательством рядового члена Егора Ивановича Терленева, где имели суждение относительно избрания контролера на водяные мельницы, а также на кожевенный завод братьев Селюниных»³.

По мере советизации западносибирской деревни в разных формах происходила ликвидация земских структур. Иногда они продолжали действовать на паритетных началах вместе с советами. Уникальная ситуация в этом отношении сложилась весной 1918 г. в Тарском уезде Тобольской губернии. В Таре 9 марта начал работать Объединенный съезд крестьянских депутатов, гласных уездного земства и членов Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Присутствовало: крестьянских депутатов – 86, уездных гласных – 54, членов Совета – 32 чел. Открывая форум, председатель уездной земской управы А. Ф. Вальтер заявил «о желательности совместной работы земства с органами народного хозяйства и о признании советской власти». Делегаты проголосовали за создание в уезде единого хозяйственно-экономического органа – Совета народного хозяйства. Определяя круг полномочий сельских советов, они возложили на их председателей «исполнение обязанностей прежнего сельского старосты». В состав исполкома уездного совнархоза единогласно избрали и А. Ф. Вальтера⁴.

¹ Голос Сибири. 1918. 31 янв.

² ГАНО. Ф. Д-122. Оп. 1. Д. 11. Л. 4, 17-26.

³ Там же. Д. 61. Л. 8.

⁴ Там же. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 32. Л. 50, 52, 53.

Земские организации возрождаются в процессе свержения советской власти в регионе летом-осенью 1918 г. Они ставятся под жесткий контроль административных структур белой Сибири. 15 мая 1919 г. в Омске утверждается форма присяги членов земских управ следующего содержания: «Обещаю и клянусь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству как своему отечеству. Обещаю и клянусь служить ему, не щадя жизни моей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью и памятуя единственно о возрождении и преуспевании Государства Российского. Обещаю и клянусь повиноваться Российскому Правительству, возглавляемому Верховным Правителем впредь до установления образа правления, свободно выраженного волей народа. В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знаменем и крестом Спасителя. Аминь!»¹.

В ряде случаев восстановление земских структур в деревне встретило негативную реакцию со стороны крестьян. Так, состоявшееся в конце октября 1918 г. в с. Тяжин Мариинского уезда Томской губернии волостное собрание постановило отказаться от земства из-за недостатка средств. В ноябре того же года в ряде сел Новониколаевского уезда (Жарковское, Журавлевское, Московское, Тульское, Дупленское) крестьяне отказывались вносить земские сборы [2, с. 160, 164, 165]. По мере развертывания партизанско-повстанческого движения земские структуры становятся объектом его внимания. Партизанским отрядом П. К. Лубкова 1 января 1919 г. в с. Кольон Мариинского уезда разгрому одной из первых подвергается волостная земская управа, захватываются печати, паспортные бланки, податные деньги. Акции следуют по нарастающей и в апреле того же года только в Томской губернии их фиксируется 9, в основном в Мариинском уезде².

Общим недостатком практически всех низовых земских учреждений Западной Сибири в рассматриваемое время являлось колоссальное расхождение между амбициозными проектами и отсутствием для их реализации финансового обеспечения. Сотрудникам управ устанавливались высокие денежные оклады, на период проведения сессий гласным полагались суточные, размер которых вырос с 3 руб. в конце 1917 г. до 50 руб. в конце 1919 г. Тарское уездное земское собрание на сессии 20–26 июня 1918 г. утвердило смету своих расходов на 1918 г. на общую сумму 1397 812 руб. 48 коп., в том числе на содержание управы – 171 тыс. руб. В ее штате предполагалось иметь: председателя, 5 непременных членов, юрисконсульта, секретаря, бухгалтера, техника-смотрителя, дорожного техника, 6 делопроизводителей, регистратора, 2 счетоводов, кассира, 8 писарей, 2 машинистки, 2 сторожей, курьера, уборщицу. Всего 35 сотрудников.

¹ Там же. Л. 26.

² Там же. С. 243, 244, 247, 253, 256.

Большую часть средств на реализацию сметных расходов предполагалось получить из губернского центра ¹.

Смета Ново-Тырышкинской волостной земской управы Новониколаевского уезда на 1920 г. утверждается в августе 1919 г. размере 259 683 руб. 84 коп., в том числе на содержание аппарата предполагалось выделить 123 тыс. руб. Должностные оклады устанавливались в следующих размерах: председатель управы – 1500 руб. в месяц, два неперменных члена – по 1300, секретарь управы – 1800, помощник секретаря – 1500, писец-машинист – 1000, 2 сторожа – по 400 руб., волостные судьи, члены ревизионной комиссии, члены школьного и попечительного советов – по 35 руб. на общую сумму 3000 руб., суточные гласным – по 35 руб., им же прогонные – 1 руб. 50 коп. за версту ². Во второй половине 1919 г. волостные земские собрания собирались зачастую исключительно для повышения заработной платы членам управы ³.

На уровне сельских обществ в 1919 г. действовали в основном сельские сходы. Здесь торжествовал принцип опоры на собственные силы. Крестьяне крайне экономно планировали свои расходы, поскольку они осуществлялись за счет раскладки по хозяйствам с учетом площади посева, поголовья лошадей и скота. Вот как выглядела подобная раскладка за вторую половину 1919 г. в с. Вассино Новониколаевского уезда (ныне Тогучинский район Новосибирской области). Все расходы составили 20 270 руб. 38 коп, в том числе: государственная оброчная подать – 868,7 руб.; губернский земский сбор – 685,5; уездный земский сбор – 8498; волостные сборы – 3037,5; церковные – 1082,2; жалование писарю – 3200; жалование сельскому старосте – 150 руб. ⁴.

Характерно, что и после восстановления советской власти и создания в Вассино ревкома местные крестьяне пытались принимать управленческие решения по нормам традиционного сельского самоуправления. 20 февраля 1920 г. соединенное народное собрание (крестьяне и «инородцы») Вассинской волости рассмотрело вопрос «об отобрании Вассинским Волостным Ревкомом приходского дома, в котором живет священник, под больницу. По обсуждению этого вопроса и принимая во внимание, что нам священник необходим, так как мы православные и нет подходящей квартиры для священника, а поэтому единогласно постановили: мы не желаем, чтобы наш приходский дом, в котором помещается священник, был отобран под больницу. Кроме того означенный дом принадлежит всему приходу Вассинской Николаевской церкви и таковым может распоряжаться только приходское собрание, а потому предлагаем церковному старосте немедленно

¹ ГАНО. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 32. Л. 106-108, 114.

² ГАНО. Ф. Д-122. Оп. 1. Д. 55. Л. 25-26.

³ Там же. Д. 67. Л. 26.

⁴ Там же. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 54. Л. 24-25.

собрать приходское собрание, которое может решить означенный вопрос. Независимо от сего мы вполне согласны содержать как церковь, так и причт села Вассинского. Для нужд больницы мы указываем дом гр. Николая Васильевича Южакова, который по нашему мнению будет вполне пригодный для этой надобности». Толерантность вассинцев проявилась и в раскладочной смете на 666 душ на первую половину 1920 г., утвержденной на том же собрании. Всего расходы исчислялись на сумму 12 476 руб. 40 коп., из которых предполагалось потратить на содержание церкви и причта – 1405 руб. 25 коп., на жалование секретарю (писарю) – 9000 руб., на жалование члена ревкома – 600 руб. и т. д.¹

Таким образом, осуществленный мной анализ процессов, происходивших в системе органов крестьянского общественного самоуправления в западносибирской деревне в период Первой мировой войны и социального катаклизма 1917–1919 гг. позволяет утверждать об увеличении нагрузки на них. На уровне функционеров крестьянского самоуправления (сельские и волостные старшины, писари, сборщики налогов и т. д.) усиливается тенденция к замещению их путем выборов, но на постоянной основе. Разрастается структура сельской управленческой номенклатуры за счет появления новых должностей. Выполнение управленческих функций начинает осуществляться не на общественных началах одновременно с основной трудовой деятельностью, а становится самостоятельным способом обеспечения индивида и его семьи материальными благами. Происходит бюрократизация низового звена крестьянского общественного самоуправления и трансформация его в составной элемент общей системы государственного управления. Питательной средой для формирования корпорации управленцев стал маргинальный слой фронтовиков и бывших красных партизан (как правило, тех же фронтовиков). Увеличивается количество сельских выборных управленцев, получающих денежное вознаграждение за счет дополнительных земских сборов с подведомственного населения. Первая мировая война и социальный катаклизм 1917–1919 гг. усилили модернизационные процессы прежде всего не в экономике, как это было в предшествующие периоды, а в области социально-политических отношений.

Список литературы

1. Затева Е. Г. Волостная администрация крестьянской общины на Алтае в конце XIX–начале XX вв. // Мир Евразии. 2010. № 2. С. 46–52.
2. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. – Т. 3. Томск, 2013.
3. Суворова Н. Г. Крестьянские начальники (1898–1917) // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 194.
4. Шиловский Д. М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг. Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

¹ Там же. Л. 52, 54.